

Сые Фэй, судя по всему, вовсе не собирался его бранить. Пролистав несколько страниц записей, он кивнул:

— Хорошо, если сознаешь свои упущения и стремишься к знаниям. Вот только записываешь ты чересчур подробно. Боюсь, увлечешься переписыванием и упустишь то, что нужно было услышать и осмыслить, а ведь в этом и заключается суть совместных лекций.

Цуй Се поспешно согласился.

Фэй Инь отложил тетрадь и мягко произнес:

— Если что-то останется непонятным, спроси помощника наставника нашего зала. Или приходи ко мне, когда я на месте, не стесняйся. Книг, которых нет у тебя дома, можно одолжить в Зале Илунь. Коли искренне стремишься к учебе, читай больше, не теряй даром свои юные годы.

Он встряхнул рукавами и непринужденно удалился. Шедший за ним юный ученик замер на мгновение, пристальнее взглядевшись в Цуй Се, но ничего не сказал. Лишь сложил руки в приветственном поклоне и поспешил вслед за Фэй Инь, покинув лекционный зал.

Этот молодой школяр выглядел совсем как старшеклассник: утонченный, изящный, в прилегающем синем халате. На фоне сые Фэй и окружавших его старших учащихся Гоцзыцзянь он казался совсем юношей.

Цуй Се невольно разглядывал его чуточку дольше. Стоявшие рядом ученики Гоцзыцзянь тоже тихо вполголоса обсуждали юношу:

— Это шестнадцатилетний цзеюань из Цзянси. В прошлом году он одновременно с дядюшкой сдал провинциальный экзамен, а потом они вместе отправились в столицу на столичный экзамен. На нынешнем столичном экзамене он попал в резервный список, но возвращаться в родной край не захотел и поступил учиться в Гоцзыцзянь.

Шестнадцатилетний цзеюань? До чего же юн! А в каком возрасте Тан Боху стал цзеюанем?

— Вундеркинд! — не удержавшись, вздохнул Цуй Се.

Вдруг за его спиной кто-то тихо усмехнулся:

— А разве первенствующий Цуй — не такой же вундеркинд?

Несколько учеников Гоцзыцзянь, только что обсуждавших юного гения из Цзянси, осознали, что вздыхал о чужой гениальности юноша, который был даже на год моложе Фэй Хуна. Это показалось им довольно забавным, и они с улыбкой посмотрели на Цуй Се.

Цуй Се подсознательно ответил:

— Это совсем иное...

Тот-то был самым настоящим шестнадцатилетним цзеюанем и чудо-ребенком, в то время как сам Цуй Се проучился в общей сложности лет восемнадцать и успел пару лет отработать после университета. Лишь суровая необходимость выжить заставила его неторопливо и бессовестно притворяться «вундеркиндом».

Он оглянулся на говорившего. Им оказался утонченный ученый лет тридцати-сорока, с

улыбкой смотревший на него. Накрахмаленная одежда незнакомца сидела идеально, на головном уборе сверкала вставка из яшмы, а на поясе висели резная подвеска и кошелек — видать, человек был аккуратным и любил порядок.

Цуй Се сложил руки в приветствии и произнес:

— Вы мне льстите, господин. Цуй Се лишь по счастливой случайности был отмечен экзаменаторами и сподобился милости императора, поступив в Гоцзыцзянь. Как я могу сравниваться с цзеюань Фэем, обладающим глубокими и истинными знаниями? Я вижу, что ваше благородство и выправка незаурядны. Позвольте узнать ваше почтенное имя?

Собеседник ответил поклоном и со смехом произнес:

— Я вам не учитель, а такой же ученик. Моя фамилия Чжан, а имя — Луань, я сегодняшний дежурный староста. Вчера, когда староста Нин привел вас шестерых в класс, я вас приметил, да вы, первенствующий Цуй, верно, не обратили на меня внимания?

Цуй Се смущенно улыбнулся:

— Ну что вы. Брат Чжан, зовите меня просто по второму имени — Хэчжун. Вчера я впервые переступил порог Гоцзыцзянь, немного нервничал и не смел оглядывать старших товарищей по залу. Надеюсь на ваше понимание.

Место, где он сидел, было закреплено за слушателями в Зале Чэнсинь, и вокруг него сидели старшие ученики, поступившие гораздо раньше.

Этот староста Чжан признался, что ему уже сорок, так что он считался старейшим из старших и получил должность старосты благодаря выслуге лет. Прочим учащимся из числа рекомендуемых было как минимум далеко за тридцать. Если и попадался кто-то двадцати с лишним лет, то это был либо выдающийся усердный юноша, рекомендованный из управы или уезда, либо везунчик, перед которым в очереди на рекомендацию никого не оказалось.

Цуй Се обменялся поклонами со всеми присутствующими. Несколько старших товарищей даже взяли в руки его тетрадь и скорописный карандаш, сделанный из тонкой угольной палочки, обернутой бумажной лентой, и похвалили его за изобретательность. Тушью вести записи на слух все равно не удавалось так быстро, как говорил наставник, да и мысли от этого сбивались, а уголек работал куда проворнее. Когда грифель стачивался, достаточно было ножичком подрезать слой бумаги снаружи, чтобы освободить новый стержень для письма, что было весьма удобно.

Цуй Се скромно заметил:

— Это я так, смастерил на скорую руку. Уголек мягкий, легко размазывается и осыпается, так что по возвращении домой мне придется все переписать начисто.

Жаль, что, сколько он ни рылся в памяти по урокам химии, так и не вспомнил точный процесс изготовления графитовых карандашей, а иначе создал бы настоящий карандаш — вот это был бы поистине волшебный инструмент!

Несколько ученых восхищенно покачали головами. Попробовав набросать пару иероглифов на полях своих книг, они отложили самодельный карандаш и со смехом вздохнули:

— Со стороны кажется легко, а попробуешь сам — и выходит совсем не то. Чтобы набить руку

для такого быстрого письма, нужно пролить не один год пота. Раз уж ты даже в таких мелочах проявляешь столь невероятное усердие, неудивительно, что достиг сегодняшних успехов.

Угольный стержень, хоть и требовал сноровки, в усердных руках давал прекрасный результат — записи Цуй Се завораживали с первого взгляда. Мало того что содержание было зафиксировано с мельчайшими подробностями, так еще и почерк радовал глаз: аккуратный и четкий устав в стиле Янь, умещавшийся ровными двойными столбцами в каждой ячейке.

Листая тетрадь, один из учеников Гоцзыцзянь вдруг пораженно воскликнул:

— Когда сые объяснял строку «брать за образец Яо и Шуня, дабы они стали правилом и мерилем», он еще цитировал из «Чунью фаньлу»: «Посему пусть есть умелая рука, но если не следовать правилу и мерилу, не сделаешь круглым и квадратным»? У меня в памяти это совершенно размылось... Младший брат Цуй, дай-ка я срисую этот отрывок себе...

И не только этот отрывок! Пролистав далее к толкованию фразы «Циский Цзин-гун со слезами выдал дочь замуж в У», он обнаружил историческую цитату из «Внутреннего предания о Хэлюе из Весен и осеней царств У и Юэ»: «Правитель Ци отправил дочь заложницей в У и сосватал ее за наследника Бо». Ученик в свое время совершенно пропустил её мимо ушей.

Ошибки и пробелы были не у него одного — у остальных тоже. Текст «Мэн-цзы» знал каждый, но сые в качестве иллюстраций, приводя исторические источники, выбирал весьма редкие и малоизвестные цитаты. Только человек, отдавший наукам долгие годы, мог отыскать их в бездонном море древних фолиантов и так искусно вплетать в лекцию. Слушатели заворуженно впитывали красноречие наставника, но не успевали следить за ходом его мысли, из-за чего неизбежно упускали или искажали отдельные фразы.

Раньше записи почти никто не вел так тщательно, а пробелы касались в основном дополнительных сведений, приводимых преподавателями. Поскольку на основные каноны это не влияло, да и помощники наставников на повторных занятиях не заостряли на этом внимания, всё так и спускалось на тормозах. Однако теперь, сопоставив свои отрывочные записи с конспектом Цуй Се, они легко восполнили все неточности. Несколько человек сгрудились у стола, вслух зачитывая незнакомые цитаты для лучшего запоминания, а проходившие мимо ученики Гоцзыцзянь привлекались шумом и тоже останавливались, чтобы сверить услышанное со своими записями.

Невзирая на время, вокруг стола выросла целая толпа учеников, занятых переписыванием конспекта. Они даже забыли об обеде!

Цуй Се буквально вытеснили на самый край. Упрямо стоя у дверей со своим небольшим портфелем, он лишь про себя восхищался: не зря их зовут учениками Гоцзыцзянь — до чего же любят учиться! Сознательность у них куда выше, чем у талантов из уезда Цяньань, что устраивали поэтические вечера, пирушки и библиотечные салоны. Неудивительно, что львиная доля успешных кандидатов на столичных экзаменах из года в год приходится именно на учащихся Гоцзыцзянь!

Поняв, насколько полезны такие записи, Цуй Се продолжил вести конспект и во второй половине дня на уроке каноноведения, который вел доктор «Ши цзин» Линь Даю. На сей раз, впрочем, он уже не рисковал погружаться в процесс с головой: старался держать взгляд на лице преподавателя и лишь изредка мельком бросал взор на бумагу, дабы сориентироваться, ведя карандаш по большей части на ощупь.

Наставник Линь был не только доктором «Ши цзин», но и занимал должность цзяньчэна.

Именно к нему Цуй Се обращался, когда просил об отгуле или о разрешении жить вне учения, так что уже успел примелькаться ему.

Этот цзяньчэн явно сочувствовал его нелегкому положению и вовсе не возражал против того, что ученик ведет конспект. По окончании занятия он даже решил дать ему пару советов:

— Записывая, не пытайся зафиксировать абсолютно всё без разбору — так ты легко упустишь главное. Изучая «Ши цзин», следует сосредоточить усилия на разборе толкований и комментариев, сопоставляя их с историческими свидетельствами и пояснениями из «Цзо чжуань». В наши дни комментарии «Гунъян» и «Гулян» отвергнуты главными экзаменаторами, и современные ученые уделяют им куда меньше внимания.

Цуй Се мгновенно всё понял: учитель выделил главное!

В следующий раз нужно прихватить несколько цветных карандашей, чтобы сразу пометать самое важное. Перед экзаменами буду зубрить лишь то, что подчеркнул, а всё, что выходит за рамки программы, можно пока отложить.

Он невольно вспомнил, как в прошлой жизни, в школьные и университетские годы, учебники всех одноклассников и однокурсников были испещрены яркими пестрыми пометками от цветных шариковых ручек и текстовыделителей. Глаза его потеплели, черты лица смягчились, и весь он словно просиял.

Линь Даю не знал, о чем тот думает, и, увидав, как юноша просиял после его наставления, решил, что тот просто обрадовался полученным знаниям. Легко качнув головой, наставник и сам ответил едва заметной улыбкой.

Этот ученик и вправду был поистине благодатной почвой для знаний.

<http://bllate.org/book/18372/1761347>